

§4 ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бешукова З. М.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ (по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г.)

Аннотация. Статья посвящена ретроспективному анализу уголовного законодательства императорской России за деяния, подпадающие под современное понятие экстремизма. Предметом исследования являются основные положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года, явившихся прообразом преступлений экстремистского характера. Констатируется, что деяния, подпадающие под легальное определение экстремизма, включены в разные главы и разделы Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем большинство из них относится к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, против общественной безопасности и общественного порядка. Методологической основой настоящего исследования служат базовые положения диалектического метода познания явлений и процессов объективной действительности. Также в работе использовались современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования: логико-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурного анализа и др. Развитие законодательства об ответственности за экстремизм непосредственно связано с определенными историческими эпохами развития российской государственности, формированием национальной правовой культуры. Автором проанализированы нормы, устанавливающие ответственность за государственные преступления и за преступления против веры. Показывается преемственность некоторых законодательных решений об ответственности за преступления экстремистского характера по законодательству императорской России и по современному российскому уголовному законодательству.

Ключевые слова: преступное сообщество, дореволюционное законодательство, Уголовное уложение, преступления против религии, государственные преступления, экстремизм, Российская империя, общественный строй, возбуждение вражды, бунт.

Review: This article is dedicated to the retrospective analysis of the legislation of the Russian Empire for actions that would today fall under the category of extremism. The subject of this research is the key positions of the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishment and Criminal Code of 1903, representing the prototype of crimes of extremist nature. The author states that actions that fall under the legal definition of extremism are included into the various chapters and sections of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, majority of them pertain to crimes against the foundations of the constitutional structure and security of the state; against public safety and public order. Advancements in the legislation on responsibility for extremism is directly connected to certain historical eras of development of Russian statehood and establishment of the national legal culture. The author analyzes the norms that set the responsibility for political crimes and crimes against religious beliefs. The article presents the continuity of certain legislative decisions on responsibility for crimes of extremist nature by the legislation of Russian Empire and by modern Russian criminal legislation.

Keywords: Russian Empire, extremism, political crimes, crimes against religion, Criminal Code, pre-revolutionary legislation, criminal association, social order, incitement of hate, riot.

Явление экстремизма существовало испокон веков и его формирование напрямую зависит от социального бытия и своими корнями уходит к моменту возникновения человека как разумного существа, поэтому некоторые его истоки берут начало из первобытной эпохи [1]. Например, религиозный и националистический экстремизм известны с древних времён (многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма). Немало государств и цивилизаций исчезло с политической карты, проиграв «битву за веру» [2].

История развития общественных отношений свидетельствует о том, что политический экстремизм может существовать при любых типах этих отношений. В качестве подтверждения можно привести убийство римского императора Цезаря в 44 г. до н.э.; расправу в XI–XII в.в. над еретиками, выступавшими не только против различных догматов, но и против частной собственности и имущественного неравенства; Варфоломеевскую ночь 1572 г. во Франции; действия опричников в 70-е гг. XVI в. в период царствования Ивана IV; убийство в 1762 г. Петра III; экстремистские проявления народников в 80–90 гг. XIX в.; расправу над интеллигенцией, зажиточным крестьянством, государственными и обще-

ственными деятелями нашей страны в период культа личности Сталина [3]. Экстремистские организации также не являются порождением современного мира. Например, в России первые организации с национал-экстремистскими установками зарождаются в начале 1880-х годов [4].

В отечественном законодательстве понятие «экстремизм» используется сравнительно недавно. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ впервые в российской истории закрепил легальную дефиницию понятия «экстремизм».

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ экстремистская деятельность (экстремизм):

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ – подпадает под признаки ст. ст. 278 и 279 Уголовного кодекса (далее – УК РФ);
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность – ст. ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни – деяние, охватываемое диспозицией ст. 282 УК РФ;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по при-

знаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии – деяние, содержащее элементы диспозиции ст. 282 УК РФ;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии – ст. 136 УК РФ;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения – ст. 141 УК РФ;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения – ст. ст. 141, 148, 294, 315, 317, 320 УК РФ;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ – не является самостоятельным преступлением, а указывает на мотивацию содеянного;

– пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрация атрибутики или символики экстремистских организаций – деяние, предусмотренное ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ);

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения – деяние, содержащее элементы диспозиции ст. 280 УК РФ и ст. 20.29 КоАП РФ;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих

должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением – деяние, содержащее элементы диспозиции ст. ст. 129, 298 УК РФ;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению – ст. 33, 2821, 2822 УК РФ;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг. Различные формы и способы соучастия данной деятельности, квалифицируются в зависимости от конкретных признаков деяний по различным статьям Особенной части УК РФ [5]. Как видим, перечень преступлений экстремистского характера достаточно широк. Деяния, подпадающие под легальное определение экстремизма, включены в разные главы и разделы УК РФ. Вместе с тем большинство из данных деяний относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, против общественной безопасности и общественного порядка.

Развитие законодательства об ответственности за экстремизм непосредственно связано с определенными историческими эпохами развития российской государственности, формированием национальной правовой культуры.

В 1845 г. императором Николаем I был утвержден, а в 1846 г. введен в действие новый уголовный кодекс – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение 1845 г.). Уложение состояло из 12 разделов, делившихся на главы, отделения и отделы, содержащие 2224 статьи, и претерпело три официальные редакции (1857 г., 1866 г., 1885 г.). Именно в Уложении 1845 г. [6] система норм об ответственности за государственные преступления впервые получила законченное юридическое оформление. Эти преступления были объединены в одном разделе «О преступлениях государственных», состоящем из двух глав. Указанное разделение на две главы позволяет говорить о двух группах государственных преступлений.

Первая группа. В эту группу включены разнообразные посягательства на жизнь, здоровье, честь Императора, Наследника Престола, Супруги Государя Императора или прочих Членов Императорского дома. В главе «О преступлениях против Священной особы Государя Императора и Членов Императорского Дома» основополагающее место занимала норма, предусматривающая ответственность за «всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть Его с престола, лишить свободы и власти Верховной, или же ограничить право оной, или учинить Священной Особе Его какое-либо насилие» (ст. 263). Рассматриваемое преступление наказывалось лишением всех прав состояния и смертной казнью. Следует отметить, что прикосновенность к данному преступлению также наказывалась смертной казнью. Другие нормы рассматриваемой главы были производными от анализируемой нормы. В частности они устанавливали наказание за приготовительные действия к указанному преступлению для соучастников (сообщников, пособников, подговорщиков, подстрекателей), либо за аналогичные действия, но в отношении «Высочайших прав Наследника Престола, или Супруги Государя Императора, или прочих Членов Императорского дома» (ст. 264–266). Особо следует отметить, что наказание за приготовление к данному преступлению приравнивалось к наказанию за оконченное преступление.

Серьезным недостатком, на наш взгляд, является то, что анализируемые нормы не содержали указания на цель и мотивы совершения преступления. Вместе с тем, посягательства на лиц, перечисленных в указанных нормах, могли совершаться не только по политическим мотивам.

Другие статьи этой главы предусматривали наказание за составление и распространение письменных или печатных сочинений, или изображений с целью возбудить «неуважение к Верховной Власти, или же к личным качествам Государя, или к управлению Его государством» (ст. 267), или если такие сочинения, изображения были оскорбительными для наследника престола, супруги императора и членов императорского дома (ст. 270). Наказывались нормами этой

главы «произнесение дерзких, оскорбительных слов против Государя Императора, а также повреждение, искажение или истребление выставленных в присутственном или публичном месте портретов, бюстов или иных изображений Императора», а также лица, бывшие свидетелями этих действий, «не воспрепятствовавшие указанным действиям, а равно недонесшие о них» (ст. ст. 268, 269).

Вторая группа. В эту группу входят преступления, являющиеся прообразами норм о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства. Глава под названием «О бунте против Власти Верховной и государственной измене» предусматривала наказание за «бунт против Власти Верховной», под которым понималось «восстание скопом и заговором против Государя и государства», а равно за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой онаго части, или же переменить образ правления или установленный порядок наследия Престола, и за составление на сей конец заговора или принятие участие в составленном уже для этого заговоре, или в действиях онаго, с знанием о цели сих действий или сборе, хранении или раздаче оружия и других приготовлениях к бунту» (ст. 271). Ст. 272 устанавливала наказание за обнаружение умысла на организацию и совершение бунта. Ст. 273 выделяла из состава бунта «составление и распространение письменных или печатных воззваний или же сочинений, или изображений с целью возбудить к бунту или иному неповиновению Верховной власти». В ч. 2 ст. 273 устанавливалась ответственность за те же действия, но совершенные публично в устной форме.

Ст. 274 предусматривала наказание за «составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления, или порядок наследия престола». Статьи 273 и 274 Уложения весьма близки по своему содержанию и имеют явное сходство по характеру соверша-

емых действий. Отличительная черта последних состоит в содержательной составляющей составляемых (распространяемых) сочинений: в первом случае такие сочинения должны содержать призыв к бунту, а в последнем – достаточно наличия критики существующего государственного строя.

В 1880 году в Уложение была включена статья, в соответствии с которой наказание «возвышалось» на две степени в случаях, когда распространение «преступных объявлений, воззваний, сочинений или изображений или же означенное в сих статьях публичное произнесение речей последовали в среде войска, а равно когда упомянутые объявления, воззвания, сочинения или изображения составлены с целью распространения их среди военнослужащих».

Кроме того Уложение предусматривало нормы о противоправительственном восстании, восстании крестьян против волостных и общественных управлений, но не относило эти преступления к числу государственных, а предусматривало их в разделе IV «О преступлениях и проступках против порядка управления». В 1891 году в этот раздел была введена норма, предусматривающая ответственность за устройство или участие в публичном скопище, сопровождающемся насилием над личностью, похищением или повреждением чужого имущества, вторжением в чужое жилище «вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной, или из экономических отношений» [7]. Из вышеизложенного следует, что законодательством России рассматриваемого периода учитывались посягательства на личность, имущество, неприкосновенность жилища по мотивам религиозной, племенной, сословной, социальной (из экономических отношений) вражды. В данном случае очевидно сходство с существующим в настоящее время мотивом ненависти или вражды по определенным признакам в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части УК РФ и качестве одного из отягчающих обстоятельств в ст. 63 УК РФ.

Следует отметить, что ответственность за рассматриваемое деяние была дифференцирована в зависимости от характера и роли участия лица. Так, по ч. 1 ст. 269 Уложения ответ-

ственность наступала за участие в публичном скопище, по ч. 3 – за организацию скопища, руководство учинением насилия над личностью, похищением или повреждением чужого имущества, вторжением в чужое жилище или покушением на такие действия, а также подстрекательство к их совершению или продолжению. В случае если скопище или участники скопища, совершая вышеуказанные действия, оказывали насильственное противодействие вооруженной силе, призванной для рассеивания скопища, то наказание виновным увеличивалось (соответственно ч. 2 и ч. 4 ст. 269).

В главе VI Уложения «О тайных обществах и запрещенных сходках» содержались нормы об ответственности за противозаконные сообщества. В частности «основатели и начальники», а также участники тайных обществ, имеющих «вредную для спокойствия или целостности государства или противную установленным законами образу и порядку управления цель» подвергались наказанию как государственные преступники.

В рассматриваемом законодательном акте выделялся также раздел «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», который объединял четыре главы. Следует отметить, что в главе первой «О богохулении и порицании веры» детально регламентировалась ответственность за ряд деяний, некоторые из которых подпадают под действие ныне действующей ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Глава «О богохулении и порицании веры» устанавливала наказание за совершение следующих действий:

1) умышленная хула на «славимого в единственной Троице Бога, или на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и присно-Деву Марию, или на честный Крест Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные Силы Небесные, или на Святых Угодников Божьих и их изображения» (ст. 182);

2) умышленное порицание христианской веры или православной церкви или ругань над Священным Писанием или Святыми Таинствами (ст. 184).

Обязательным признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 182, 184, являлась публичность. В зависимости от места совершения данных преступлений дифференцировалась ответственность:

а) за совершение действий, указанных в диспозиции ст. 182, в церкви наказание следовало значительно строже, чем за их совершение в ином публичном месте или «при собрании более или менее многолюдном».

б) непубличное совершение действий, указанных в диспозициях ст. 182 и ст. 184, влекло уголовную ответственность при наличии следующих условий: 1) присутствие свидетелей, 2) намерение поколебать веру свидетелей.

Субъективная сторона указанных преступлений характеризовалась умышленной формой вины, на что в диспозициях рассматриваемых статей делалось прямое указание. Вместе с тем, если лицо совершило указанные действия не с умыслом, а по «неразумию, невежеству или пьянству», то оно не освобождалось от наказания, а подвергалось более мягким видам наказаний (ст. 186).

В статье 186 Уложения фактически устанавливалась ответственность за те же действия, что и в ст. ст. 182 и 184. Однако способом их совершения было распространение любым способом печатных или письменных сочинений с соответствующими высказываниями.

3) Несообщение свидетелем «надлежащему начальству» о вышеуказанных преступлениях (ст. 185).

4) Кошунство – язвительные насмешки над правилами и обрядами православной церкви и христианства вообще (ст. 188).

5) Выделывание, продажа или распространение иным образом писанных, гравированных, резных или отлитых в соблазнительном виде икон и других изображений предметов, относящихся к вере и богослужению (ст. 189).

К середине 70-х годов XIX века в социальную жизнь вошли порожденные ростом промышленности антагонизмы и существенно возросла преступность, заметно изменилась ее структура. Одна из главных причин разработки нового Уложения – перемены государственных и общественных условий жизни России. След-

ствием этих перемен явились, по мнению готовившей проект нового Уложения редакционной комиссии, несоответствие и неполнота законов, охраняющих государственный и общественный строй. В области посягательств на государство и его строй существенно изменились средства и приемы этих посягательств, а отчасти и само направление преступной деятельности, в силу чего постановления Уложения 1845 г. оказались не соответствующими новым преступным формам скопищ и сообществ, недостаточными для борьбы с социально-революционной пропагандой [8].

22 марта 1903 года Николай II утвердил проект Уголовного уложения, согласившись с мнением меньшинства Государственного Совета не вводить его в действие в полном объеме. Отдельные главы Уголовного уложения (далее – Уложение 1903 г.) вступили в действие в 1904 г., другие – в 1906 г., а полностью этот нормативный правовой акт так и не был введен в действие [8]. Традиционно для уголовного законодательства царской России Особенная часть Уложения 1903 г. открывалась главой о преступлениях против веры, затем следовала глава «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против Священной особы Императора и Членов Императорского дома» [9]. Следует отметить, что в отличие от Уложения 1845 г., Уложение 1903 г. не содержало термина «государственные преступления». Вместе с тем структура анализируемого Уложения позволяет выделить следующие группы так называемых государственных преступлений:

первая группа – Глава 3 Уложения «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» (ст. 99–107). В эту группу включены:

1) разнообразные посягательства на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность, честь Императора, Наследника Престола, Супруги Государя Императора или прочих Членов Императорского дома, а также надругательства над их изображениями.

Статья 99 предусматривала наказание в виде смертной казни за любые действия, направленные на лишение жизни, причинение вреда здоро-

вью, ограничение свободы или затрагивающие неприкосновенность императора, императрицы или наследника престола, а также «низвержение» царствующего императора с престола или на лишение его верховной власти или ее ограничение. Покушение, а также приготовление к указанным деяниям приравнивалось к оконченному преступлению и наказывалось смертной казнью (ст. ст. 99 и 101 соответственно). Кроме того, Уложение 1903 г. как и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. разграничивало соучастие в рассматриваемом преступлении и прикосновенность к нему. В соответствии со ст. 164 Уложения 1903 г., виновный в недонесении без уважительной причины об участнике преступления, предусмотренного ст. 99, наказывался каторгой на срок не свыше восьми лет.

Ответственность за оскорбление царствующего императора, императрицы, наследника престола, угроза их особе, надругательство над их изображением с целью возбуждения неуважения к их особе, а также распространение оскорбительных для их достоинства сочинений и изображений устанавливалась в ч. 1 ст. 103. Совершение вышеуказанных действий, но без соответствующей цели также подлежало наказанию (ч. 2 ст. 103). Привилегированным составом данного преступления являлось совершение заочного оскорбления, угрозы или надругательства по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения. Следует отметить, что в отличие от Уложения 1845 г. посягательства на честь Императора, не связанные с нарушением телесной неприкосновенности, не наказывались смертной казнью.

2) Посягательства на образ правления, порядок наследия престола, целостность государственной территории (ст. 100 Уложения 1903 г.). Представляется, что основным и, по сути, единственным критерием разграничения преступлений, предусмотренных ст. ст. 99 и 100, являлось наличие или отсутствие непосредственного посягательства на неприкосновенность особы императора. В случае наличия такого посягательства деяние должно было квалифицироваться по ст. 99, а в случае отсутствия – по ст. 100 Уложения. Ст. 102 устанавливала ответственность участников сообществ, созданных с целью совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 99 и 100 Уложения.

Вторая группа – Глава 4 «О государственной измене» (ст. ст. 108-119). В указанной главе регламентировалась ответственность за возможные разновидности государственной измены. Государственная измена отождествлялась с какими-либо действиями, направленными на «способствование» или «благоприятствование» «неприятелю». Восстание против правящей особы в круг данных преступлений не входило.

Третья группа – Глава 5 «О смуте» (ст. ст. 120–137). В данной главе устанавливалась ответственность за организацию и участие в публичных скопищах и сообществах. Под публичным скопищем понималось однократное соединение людей, которое образовывалось «при таких условиях, чтобы к нему мог пристать всякий желающий, чтобы оно могло неопределенно разрастаться» [10]. Сообщество в отличие от скопища представляло собой длящееся соединение нескольких лиц, объединенных общей целью и интересами.

В соответствии со ст. 121 к ответственности привлекался виновный в участии «в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение к верховной власти, порицание образа правления, порядка наследия престола, или заявить сочувствие бунту, измене, лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя, или последователю такого учения». Наказание за это деяние предусматривалось в виде заключения в крепость или тюрьму на срок не свыше трех лет. В ч. 2 устанавливалась ответственность лица, устроившего или подговорившего устроить такое скопище, а также участников, руководивших скопищем. В случае если для рассеивания скопища была призвана вооруженная сила, лица, не оставившие скопища, после соответствующего требования, подлежали ответственности по ч. 3 данной статьи.

Ст. 122 устанавливала ответственность за устройство или участие в публичном скопище, сопровождающемся насилием над личностью, похищением или повреждением чужого имущества, вторжением в чужое жилище «вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной, или из экономических

отношений, или вследствие нарушающих общественное спокойствие слухов». Несмотря на то, что данная статья не была введена в действие Законом от 7 июня 1904 г., аналогичная норма сохранилась в действовавшем Уложении 1845 г.

В соответствии со ст. 123 подлежал ответственности участник публичного скопища, которое, действуя совместными силами участников: 1) оказало насильственное противодействие вооруженной силе или произвело насильственное нападение на военный караул или часового; 2) захватило в свою власть, разграбило или разрушило: склад оружия или военных припасов, оружейный или оружейный завод, укрепленное место, военное судно, железную дорогу, служащие для общего или правительственного пользования телеграф или телефон, монетный двор, государственное казначейство или государственное или основанное, с разрешения правительства, общественное или акционерное кредитное учреждение; 3) освободило арестантов из-под стражи посредством насилия над личностью, учиненного в отношении стражи, или посредством повреждения места заключения; 4) употребило для учинения насильственных действий взрывчатые вещества или снаряд.

В ст. 124 устанавливалась ответственность за участие в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке; в ст. 125 – за участие в сообществе, одной из целей которого было возбуждение вражды между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими; в ст. 126 – за участие в сообществе, целью которого являлось ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов. Представляется, что данные нормы являются прообразами норм о преступлениях, связанных с осуществлением экстремистской и террористической деятельности. Важно отметить, что лицо, допустившее собрание сообществ, предусмотренных ст. ст. 124–126, в «помещении или месте ему принадлежащих или состоящих в его управлении или заведывании», наказывалось как участник сообщества (ст. 127). Ч. 2 ст. 127 содержит указание на обязательное смягчение наказания или возможность освобо-

ждения от ответственности, в случае если участник незаконного сообщества донесет о нем до его обнаружения.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 102 и 126 Уложения 1903 г. Представляется, что основным критерием разграничения данных преступлений является цель сообщества. В первом случае целью создания сообщества являлось совершение преступления, предусмотренного ст. 100, а «именно насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части образа правления или порядка наследия или на отторжение от России какой-либо ее части». В свою очередь в ст. 126 речь идет о сообществе, целью которого являлось «ниспровержение существующего общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов» [9]. Общественный строй охватывает все стороны общественной жизни в их органической взаимосвязи; в его структуру входят социальные идеи, социальные институты (государство, негосударственные организации, социальные нормы), социальные отношения, существующие в обществе [11]. Если исходить из того, что государственный строй является частью общественного строя, зависит от особенностей экономических, политических и идеологических отношений в обществе, а также от того, в чьих руках, в руках какого класса, слоя или группы общества находится эта власть, то конечная цель создания сообщества, предусмотренного ст. 126, состоит в подрыве авторитета государственной власти и ее устоев. В свою очередь достижение поставленной цели влечет ниспровержение существующего государственного строя. Таким образом, можно сделать вывод, что ст. ст. 102 и 126 соотносятся как специальная и общая нормы.

В ст. 128 устанавливалась ответственность за «оказание дерзостного неуважения Верховной власти, порицание установленных Законами образа правления, порядка престолонаследия», совершенное публично. К способам совершения данного преступления относятся: произнесение, чтение речи или сочинения, распространение или выставление сочинений или изображений с соответствующим содержанием.

Кроме того в Уложении 1903 г. содержался ряд норм, устанавливающих ответственность за деяния, возбуждающие массы или отдельных лиц к совершению следующих деяний:

- а) учинение бунтовщического или изменнического деяния;
- б) ниспровержение существующего в государстве общественного строя;
- в) неповиновение или противодействие закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти;
- г) учинение тяжкого преступления.

Данное преступление могло быть совершено публично (ст. 129) и непублично (ст. 130). В последнем случае соответствующие учения и суждения должны распространяться среди определенных категорий населения, к которым законодатель относил:

- а) сельское население;
- б) войска;
- в) рабочих и иных лиц, у которых «эти учения или суждения не могли бы встретить надлежащего противодействия и возбуждение коих в то же время угрожало бы опасностью государственному спокойствию».

Ст. 132 Уложения 1903 г. устанавливала ответственность за составление (ч. 1), размножение, хранение или провоз из-за границы (ч. 2) вышеуказанных сочинений или изображений с целью их распространения, в случае если их публичное распространение не последовало.

Уголовное уложение 1903 г. стало последним законодательным актом, в котором преступления против веры открывали Особенную часть (Глава «О нарушении ограждающих веру постановлений»). Несмотря на то, что круг преступлений против веры сократился в сравнении с Уложением 1845 г., в данной главе, как и в соответствующей главе Уложения 1845 г., устанавливалась ответственность за ряд деяний, подпадающих под действующее понятие «экстремизм». К их числу относятся:

- 1) богохуление или оскорбление святыни (ст. 73 Уложения 1903 г.) в случае если оно учинено:
 - а) при отправлении общественного богослужения или в церкви;

- б) в часовне или христианском молитвенном доме, или публично, или в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображении;

- в) с целью произвести соблазн между присутствовавшими.

- 2) Оскорбление установлений или обрядов Церкви или христианской религии (ст. 74).

Если лицо совершило преступления, предусмотренные ст. ст. 73 и 74 по «неразумию, невежеству или в состоянии опьянения», то оно не освобождалось от наказания, а подвергалось более мягкому виду наказания.

- 3) Препятствие в отправлении общественного христианского богослужения (непристойный крик, шум или иное бесчинство) – ст. 75;

- 4) оскорбление признанного в Российской империи нехристианского вероисповедания, а также оскорбление предмета чествования признанного нехристианского вероисповедания (ст. 76);

- 5) прерывание общественного религиозного служения признанного в Российской империи нехристианского вероисповедания (непристойный крик, шум или иное бесчинство) – ст. 77.

Следует отметить, что в Уложении 1903 г. сохранилась, безусловно, прогрессивная новелла, а именно впервые закреплялся принцип свободы вероисповедания. Так, в ст. 80 устанавливалась ответственность за «принуждение посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы к совершению богослужения или обряда, воспрещенных или недозволенных правилами вероисповедания, к которому принадлежит принуждаемый, или к участию в таком богослужении или обряде», а в ст. 87 устанавливалась ответственность лица, виновного в том, что «посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы совратил из одного вероисповедания в другое, если не подлежит наказанию по статьям 82–84».

Аккумулируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и в Уложении 1903 года, несомненно, дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система преступлений, явившихся прототипом современных преступлений экстремистского характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бешукова З. М. Понятие экстремизма: философский, политический и правовой аспекты // Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе / Материалы межрегиональной научно-практической конференции (11–14 ноября 2009 г.). – Майкоп: редакционно-издательский отдел Адыгейского государственного университета, 2009. – С. 64.
2. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. – С. 4.
3. Макаров Н. Е. Исторические и социальные аспекты политического экстремизма // История государства и права. – 2005. – № 8. – С. 9–14.
4. Бешукова З. М., Чугаев А. П. О некоторых особенностях вовлечения молодежи в совершение преступлений экстремистской направленности // Молодежный экстремизм: истоки, предупреждение, профилактика: материалы международной научно-практической конференции (23–24 мая 2014 г.). В 2-х ч. Часть I. – М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2014. – С. 312.
5. Бешукова З. М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности (сравнительно-правовое исследование): монография. Пятигорск: РИА-КМВ. – 2011. – С. 112–114.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1845. С. 98–105.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издание одиннадцатое, пересмотренное и дополненное. СПб., 1901. С. 266–267.
8. Поцелуев Е. Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 187.
9. Уголовное уложение 1903 г. СПб. 1903. С. 34–47.
10. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. М., 1905. С. 381.
11. Рожков М. Б. Объект безопасности государства: конституционный строй или основы конституционного строя. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115009>.

REFERENCES

1. Beshukova Z. M. Ponyatie ekstremizma: filosofskii, politicheskii i pravovoi aspekty // Protivodeistvie etnicheskomu i religioznomu ekstremizmu na Severnom Kavkaze / Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11–14 noyabrya 2009 g.). – Maikop: redaktionno-izdatel'skii otdel Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. – S. 64.
2. Burkovskaya V. A. Kriminal'nyi religiozniy ekstremizm v sovremennoi Rossii. – M.: Institut pravovykh i sravnitel'nykh issledovaniy, 2005. – S. 4.
3. Makarov N. E. Istoricheskie i sotsial'nye aspekty politicheskogo ekstremizma // Istoriya gosudarstva i prava. – 2005. – № 8. – S. 9–14.
4. Beshukova Z. M., Chugaev A. P. O nekotorykh osobennostyakh vovlecheniya molodezhi v sovershenie prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti // Molodezhnyi ekstremizm: istoki, preduprezhdenie, profilaktika: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (23–24 maya 2014 g.). V 2-kh ch. Chast' I. – M.: NOU VPO «MPSU», 2014. – S. 312.
5. Beshukova Z. M. Prestupleniya, svyazannye s osushchestvleniem ekstremistskoi deyatel'nosti (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): monografiya. Pyatigorsk: RIA-KMV. – 2011. – S. 112–114.
6. Ulozhenie o nakazaniyakh "ugolovnykh" i ispravitel'nykh". V" Tipografii Vtorago Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii. SPb., 1845. S. 98–105.
7. Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 g. Izdanie odinnadtsatoe, peresmotrennoe i dopolnennoe. SPb., 1901. S. 266–267.
8. Potseluev E. L. Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.: prichiny prinyatiya i istoriya sozdaniya // Pravovedenie. – 2003. – № 3 (248). – S. 187.
9. Ugolovnoe ulozhenie 1903 g. SPb. 1903. S. 34–47.

10. Poznyshev S. V. *Osobennaya chast' russkogo ugolovnogo prava. Sravnitel'nyi ocherk vazhneishikh otdelov Osobennoi chasti starogo i novogo Ulozhenii*. M., 1905. S. 381.
11. Rozhkov M. B. *Ob'ekt bezopasnosti gosudarstva: konstitutsionnyi stroi ili osnovy konstitutsionnogo stroya*. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115009>.